

Год Лошади закусил удила. Жизнь стремительно мчится вперёд, оставляя позади прожитые годы, а впереди, несмотря на возраст и хвори, и надежды, и мечты о лучшей жизни. И чем старше становлюсь, тем чаще вспоминаю далёкое детство в Рождественском.

Оно было голодным и холодным, но интересным и занимательным. Нет, не Интернетом и компьютерами, а деревенской насыщенной жизнью, связанной с колхозными полями и лошадьми.

Когда начиналась сенокосная пора, все от мала до велика занимались уборкой сена. Не обходила стороной эта доля и меня.

В памятные пятидесятые я был уже почти взрослым парнем, ставил в своём театре в амбаре концерты и спектакли и вовсю дружил с девушками. Причём лихо гарцевал на лошадях (обогнать меня мало кому удавалось) и не боялся забираться на самые верхушки исполинских кедров. Сейчас об этом подумать страшно, сразу голова начинает кружиться, а тогда всё было нипочём, лишь бы девчонки об этом знали.

А после лошадиных скачек без седла я, бывало, ходил враскорячку, а то место у меня на теле, на которое

приземлялся при скачке, было в коростах от не успевающих заживать ран. Гоняли мы лошадей и в ночное, и в жаркие летние дни на водопой, и, конечно, возили, вернее, подвозили к зародам сено при мётке. Колхозным конюхом в ту пору, помнится, была Лидия Пимоновна Синякова.

— Ну, ребяташки, — на водопой! Разбирайте лошадей в конюшне! — бывало, скажет она, и мы гурьбой — я, мой племянник Вовка Соколов, друзья и товарищи Валерка Варыгин, Сашка и Колька Белоноговы и другие — скорее устремлялись в конюшню, чтобы выбрать лошадь по вкусу.

У меня был любимый конь Серко. На нём однажды отвёз женщин на мётку сена. Было жарко. Возил копыны Серко чуть ли не допоздна. Надо полагать, утомился. В обеденный перерыв на потеху женщинам и молоденьким девчонкам мы устроили лошадиные гонки. Удалой паренёк Лёнька Зарецкий на Карьке, а я на своём Серке. Под звонкий смех и улюлюканье взрослых мы, как заядлые всадники, носились по полю.

— Давай, Юрка, давай! — кричала моя одноклассница Светка Деньгина, и я старался как мог, лишь бы быть первым.

Поставили мы в тот день много зародов. И возвращались довольные собой. Я, в качестве возницы, знай покривал:

— Но, Серко, но!..

А женщины второй бригады, теперь уж и не вспомню, кого как величали, усталые, но счастливые, что поработали неплохо, пели одну песню за другой, а я им с удовольствием подтягивал.

— Хороший у тебя голос, Юрка, — кричали они. — Пой, артистом будешь! Отец-то твой и пел хорошо, и на балалайке играл. Пой! — и начинали новую песню.

Ах, какие тогда были песни! Начинала Александра Дорофеева (вспомнил я её), а остальные дружно подхватывали: «Течёт речка по песку с Дальнего Востока, а за девицею матрос гонится далёко...» Песни сменялись озорными

чапушками: «Я на печке сажу, нитки сматываю, каждый день трудодень зарабатываю».

Весело вьётся дорога, Серко бежит бойко. Но вот он побежал медленнее, ноги его стали заплетаться, и вскоре он совсем остановился.

— Но! Но! — кричу я на него, но мой Серко не реагирует, стоит, как вкопанный.

Бабы... извиняюсь, женщины пососкакивали с телеги. До деревни оставалось немного, и они пошли пешком, чтобы вовремя подоить коров, а мы с племянником Вовкой остались наедине с лошастью.

— Но! Но! — задёргал я вожжами, но Серко стоял памятником на дороге.

Я хлестнул его по бокам вожжами — не реагирует. Потом он пошатнулся и вместе с телегой повалился на бок. Мы со слезами на глазах, перепуганные, стали его рассупонивать, пытаюсь снять с него хомут. Но всё было тщетно. Серко хрипел, вытянулся и... испустил дух. Отчаянью нашему не было предела.

— Скорее беги на базу! — приказал я племяннику (я был постарше его). — И зови Николая Гладышева, пусть скорей бежит сюда.

Главный конюх появился быстро. Посмотрел на коня — и только развёл руками.

— Загнали коня, сердце не выдержало, — сказал он. — Идите домой.

Домой мы пришли унылые, за ужином молчали.

— Что-то вы невесёлые сегодня? — спросила моя родная сестра Галина Яковлевна (она воспитывала меня вместе со своими детьми Вовкой, Алькой, Толькой и Сашкой, так как к тому времени у меня давно уже не было родителей).

— Устали, — односложно ответили мы.

Какое уж там веселье — еда в горло не лезла. В голове свербела одна мысль: «Что будет? Что будет?»

Времена тогда были суровые, ещё жив был Сталин. Ведь могли нас и осудить: загнали, дескать, колхозную лошадь...

Но новому мужу сестры Михаилу Фёдоровичу Кушнiru (прежний её муж, Илья Иванович Соколов, умер) мы решили открыться. Это произошло на футбольном поле за деревней.

— Успокойтесь, парни, — сказал он нам, — всё будет нормально.

В тот же вечер он поговорил с Николаем Гладышевым. Не знаю, о чём они говорили, но всё обошлось. Главный конюх колхоза человек был хороший, весёлый. В обиду нас не дал, а только посоветовал:

— Вы, тудыть вашу мать, в скачки-то играйте, да меру знайте, а не то...

И Галине Яковлевне, Вовкиной матери, он тоже ничего не сказал, а то бы слёз было — не оберёшься, была она очень сердобольной.

Уж сколько лет прошло с тех пор... Вовки уже давненько нет на свете, ушли из жизни и Галина Яковлевна, и Миша Кушнir, и Николай Гладышев, и многие другие, а дорогое по сердцу время помнится. И лошадь та до сих у меня перед глазами как живая.

Милый Серко, прости меня. Когда-то ты приносил мне много радости и счастья. Но вот как всё получилось...

На дворе Год Лошади. Он продолжает свой бег, хотя давно уже лошадь не имеет такого значения в нашей жизни, как раньше. Спасибо ей за всё, что она сделала для нас!